

К. В. Лифанов (Москва, Россия)

Дивергенция словацкого и чешского литературных языков в XX в. на грамматическом уровне (на примере числительных)

Классическая контактная лингвистика вслед за У. Вайнрайхом (Вайнрайх 1979) исходит из того, что в результате языкового контакта возникают разного рода интерференции языковых элементов, которые либо реализуются в речи индивидов, либо вследствие их повтора становятся явлениями языка. Считается, что последствием языкового контакта является конвергенция языков. В связи с этим именно конвергентные процессы находятся в центре внимания лингвистов, изучающих контактные явления в чешском и словацком языках.

Соотношение конвергенции и дивергенции, однако, является более сложным. Как отмечал Е. Д. Поливанов, «чрезвычайно частым (и, так сказать, типичным для историй всех языков) явлением оказывается одновременность и взаимная обусловленность конвергенции и дивергенции, причем дивергенция может рассматриваться как обратная сторона (изнанка) конвергенционного процесса, и обратно» (Поливанов 1968: 111). Изучение взаимодействия словацкого и чешского литературных языков в XX в. наглядно демонстрирует, что в условиях интенсивного языкового контакта при доминирующем воздействии чешского языка на словацкий в последнем происходят очевидные дивергентные процессы. При этом они реализуются на разных языковых уровнях. В данной статье рассмотрим изменения дивергентного характера в словацком литературном языке, затронувшие грамматические свойства числительных.

В качестве исходной точки в развитии грамматических свойств числительных в XX в. нами принимается состояние,

зафиксированное главным образом в газете «Католицке Новины» за 1889–1890 гг. (*Katolícké Noviny* 1889–1890).

Одним из наиболее существенных процессов модификации грамматических свойств числительных в XX в. стало изменение соотношения словообразовательных моделей сложных / составных числительных, которые могут образовываться двумя способами, когда единицы предшествуют десяткам или следуют за ними. Первая модель (типа *jedenadvacet*) является основной в чешском литературном языке, тогда как вторая (*dvacet jeden*) употребляется в нем «при диктовке цифр, в арифметике и вообще в специальном языке» (Šmilauer 1972: 197). В словацком литературном языке первоначально обе модели (*jedenadvadsať* и *dvadsaťjeden*) употреблялись в равной степени, однако с течением времени происходит изменение их статуса, и уже в «Кратком словаре словацкого языка» 1987 г. отмечается, что первая модель стала разговорной и устаревает¹ (Krátky 1987: 283).

В первой половине XX в. происходит сращение составных числительных, состоявших из десятков и единиц, которые стали восприниматься как одно слово. Последствием этого стало изменение синтаксической связи составных числительных с компонентами *dva*, *tri*, *štyri*. Еще в конце XIX в. и в первые десятилетия XX в. указанные числительные, как и в чешском литературном языке, соединялись с формами существительных в именительном падеже множественного числа. Ср. примеры:

(a) Dľa najnovšieho sčítania obýva Európu viac než 100 millionov Slavianov, asiце: *53 milliony* Rusov; 15 millionov Rusínov; 13 ½ milliona Poliakov... Spolu blízko *102 milliony* (*Katolícké Noviny* 1890: 54);

(b) Martin Bartoš dostal *64 palice*, Juro Junáček 50 palíc, Pavel Rus 40 a Štefan Vrabec, ktorý pre svoj vysoký vek nebol by viacej vydržal, *24 palice* (Škultéty 1920: 20).

¹ См. пометы у числительного *päťadvadsať*.

Позже выделенные курсивом формы им. и вин. падежей мн. числа были вытеснены соответствующими формами родительного падежа множественного числа: *53 miliónov*, *102 miliónov*, *64 palíc*, *24 palíc*.

Этот процесс сопровождался утратой категории рода компонентов *jeden* и *dva* составных числительных. Так, в «Правилах словацкого правописания» 1931 г. допускаются дублетные образования с различием рода и без него: *dvacať jeden človek*, *dvacať jedna žena*, *dvacať jedno dieťa*; *dvaciatí dvaja ľudia*, *dvacať dve ženy*, *dvacať dve mestá* — *dvacať jeden ľudí*, *žien*, *detí*; *dvacať dva ľudí*, *stromov*, *žien*, *detí* (Pravidlá 1931: 64). В правилах же правописания 1940 г. кодифицируются уже только числительные, управляющие формами род. падежа мн. числа существительных, однако родовые характеристики при этом сохраняются: *dvadsaťjeden vojakov*, *dvadsaťjedna žien*, *dvadsaťjedno detí*, *dvadsaťdva vojakov*, *dvadsaťdve žien*, *dvadsaťdve miest* (Pravidlá 1940: 100). И только в кодификации 1954 г. составные числительные приобретают современные формы: *dvadsaťjeden vojakov*, *žien*, *detí*, *dvadsaťdva vojakov*, *žien*, *miest* (Pravidlá 1954: 88).

Также в XX в. произошла дифференциация форм собирательных и видовых числительных. В конце XIX — начале XX в. с формальной точки зрения числительные *dvoje*, *troje*, *oboje*, как и в чешском литературном языке, могли выступать в функции как собирательных, так и видовых числительных. Кроме того, названные числительные еще со времен кодификации Л. Штура склонялись (Štúr 1957: 221–222), хотя и несколько иначе, чем в конце XIX в.

Очевидное видовое значение интересующих нас числительных выявляется, например, в следующих случаях:

(a) *Cirkev vynáša neomylné rozhodnutia dvojím spôsobom: lebo skrze všeobecný (!) snem alebo skrze pápeža* (Svätá Rodina 1915: 18);

(b) *Od 1835-ho vychodily slovenčiace almanachy Zory, spojovavšie spisovateľov obojeho vierovyznania...* (Škultéty 1920: 94).

В современном словацком литературном языке, в отличие от чешского, приведенные формы сохранились только в функции собирательных, и процесс исчезновения у них видового значения осуществился в первой половине XX в. Кроме того, они полностью утратили склонение. В им. и вин. падежах собирательные числительные *oboje*, *dvoje*, *troje* изменили синтаксические свойства: до самого последнего времени они имели дублетные формы, так как могли употребляться с им. падежом мн. числа (*dvoje noviny*) аналогично чешскому языку или с род. (*dvoje novín*), однако в последней редакции «Правил словацкого правописания» первый вариант был исключен из словацкого литературного языка (Pravidlá 2013). Видовыми же в словацком литературном языке в настоящее время являются числительные с суффиксом *ak(ý)* (*dvojaký*, *obojaký* и т. д.)².

Иные видовые адъективные числительные также претерпели изменения, поскольку некоторые из них, образованные по той же модели, что и в чешском языке, стали образовываться иначе. Ср. примеры:

(a) V našich boľastach, mukách si nás prevýšila, premohúc boľasti *sedmorého* (чеш. *sedmerý*; совр. словацк. *sedmoraký*) meča (Svätá Rodina 1915: 238);

(b) *Storá* (чеш. *sterý*; совр. словацк. *storaký*) zkusenost' nás učí, že nemocní bývajú v mnohom ohľade ako deti, a to je pravda (Gierlová 1910: 326).

В словацком литературном языке с конца XIX до 40-х гг. XX в. претерпели изменения сложные существительные, прилагательные и наречия, в состав которых входили числительные. У этих прилагательных компоненты *oba*, *dva*, *tri*, *štyri*, как и в чешском языке, первоначально имели форму родительного падежа, которая впоследствии была заменена

² В чешском языке наряду с указанными именными формами представлены также адъективные видовые числительные *dvojí*, *trojí* и т. д., отсутствующие в словацком языке.

на основой соответствующих собирательных числительных. Ср. примеры:

(a) ...krstné svedectvo (bizonylat) dľa predpisu... na všetky duchovné i svetské vrchnosti vydaného a *obústranne* (чеш. *oboustranně*, совр. слов. *obojsstranne*) publikovaného (Katolícké Noviny 1890: 90);

(b) Svojho *štyrročného* (чеш. *čtyřletý*, совр. слов. *štvorročný*) Jožka dali do susedov k deťom (Svätá Rodina 1911: 327).

Дивергентные процессы затронули и грамматические свойства количественных числительных, но они реализовались только на уровне отдельных словоформ. Так, в парадигме числительного *jeden* в род. и дат. падежах ед. числа в текстах начала XX в. фиксируются формы с гласным *o*, совпадающие с чешскими:

...malú epizodku *jednoho* hrdinu rozviedli na samostatný nový epos alebo tragédiu... (Bujnáč 1919: 78).

В 1930-е гг., однако, были кодифицированы формы с гласным *é* во флексии (Pravidlá 1931: 146).

На протяжении всего XX века числительное *dva/dve* в тв. падеже имело форму *dvoma*, коррелирующую с чешской формой *dvěma*, однако в последних «Правилах словацкого правописания» была введена дублетная форма *dvomi* (Pravidlá 2013), не имеющая аналога в чешском языке.

Таким образом, изменение грамматических свойств числительных является наглядным свидетельством активных дивергентных процессов, осуществлявшихся при интенсивном языковом контакте.

Источники

- Bujnáč 1919 — *Bujnáč P.* Pavol Országh-Hviezdoslav. K 70-tym jeho narodeninám. Liptovský sv. Mikuláš: Tranoscius, 1919.
- Gierlová 1910 — *Gierlová E.* Kvety s krížom. Trnava: Spolok sv. Adalberta (Vojtecha), 1910.

- Katolícké Noviny — Katolícké Noviny. Trnava, 1889–1890.
 Svätá Rodina — Svätá Rodina. Liptovský Sv. Mikuláš, 1911–1915.
 Škultéty 1920 — *Škultéty J.* Stodvadsaťpäť rokov zo slovenského života 1790–1914. Odpoveď na knihu dr. Milána Hodžu, nazvanú československý rozkol. 2. rozmnož. vyd. Turč. Sv. Martin, 1920.

Литература

- Вайнрайх 1979 — *Вайнрайх У.* Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования. Киев: Изд-во при Киевском гос. ун-те издат. объединения «Вища школа», 1979.
 Поливанов 1968 — *Поливанов Е. Д.* Мутационные изменения в звуковой истории языка // *Поливанов Е. Д.* Избранные работы: статьи по общему языкознанию. М.: Главная редакция восточной литературы, 1968. С. 90–113.
 Krátky 1987 — *Krátky slovník slovenského jazyka.* Bratislava: Veda, 1987.
 Pravidlá 1931 — *Pravidlá slovenského pravopisu s abecedným pravopisným slovníkom.* Praha: Štátné nakladateľstvo (Státní nakladatelství), 1931.
 Pravidlá 1940 — *Pravidlá slovenského pravopisu s pravopisným slovníkom.* Turč. Sv. Martin: Vydavateľstvo Matice slovenskej, 1940.
 Pravidlá 1954 — *Pravidlá slovenského pravopisu s pravopisným a gramatickým slovníkom.* Bratislava: Vydavateľstvo SAV, 1954.
 Pravidlá 2013 — *Pravidlá slovenského pravopisu.* Bratislava: Veda, 2013.
 Šmilauer 1972 — *Šmilauer V.* Nauka o českém jazyku. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1972.
 Štúr 1957 — *Štúr L.* Náuka reči slovenskej // *Štúr L.* Slovenčina naša: dielo v 5 zväzkoch. Zväzok 5. Bratislava: Slovenské vydavateľstvo krásnej literatúry, 1957. S. 151–253.

Divergence of the Slovak and Czech Literary Languages in the XXth Century at the Grammatical Level (on the example of numerals)

According to traditional contact linguistics, the result of close linguistic contact is interference, which initially occurs at the level of speech, but can also be reflected at the level of language. At the same time, as the Slovak and Czech literary languages show, the

consequence of close linguistic contact can also be pronounced divergent processes. This article focuses on morphological and word-formation changes that have significantly changed the grammatical properties of numerals in Slovak literary language, while in Czech they remained unchanged.

DOI: 10.31168/0459-6.07

М. Г. Джонова (София, България),
С. И. Лесева (София, България),
Е. Ю. Иванова (Санкт-Петербург, Русия)

Инхоативни глаголи с дателен експериенцер в българския език¹

В настоящата статията се прави синтактично описание на инхоативните глаголи от типа на *домъчнее / домъчнява ми* в съвременния български език. Те имат задължителен аргумент дателно местоимение със семантичната роля експериенцер и означават ново състояние на субекта. В деривационно отношение се свързват със съществителни, прилагателни или наречия за физиологично, ментално или емоционално състояние, вж. (Радева 1993). В семантично отношение разглежданите глаголи съответстват на синтактичните конструкции с предикатив за състояние и дателно местоимение. В някои случаи те се свързват пряко с предикатива (*зле ми е — призлее / призлява ми*), а в други (*студено — застудее / застудява ми, тъжно — дотъжее / дотъ-*

¹ Настоящият текст е резултат от изпълнението на научната програма на проекта «Онтология на ситуациите за състояние — лингвистично моделиране. Съпоставително изследване за български и руски», подкрепен от Фонд «Научни изследвания» в рамките на конкурса «Проекти по програма за двустранно сътрудничество — България — Русия 2019–2020 г.», договор No КП-06-II РУСИЯ-78 от 2020 г. и РФФИ (проект No 20-512-18005).